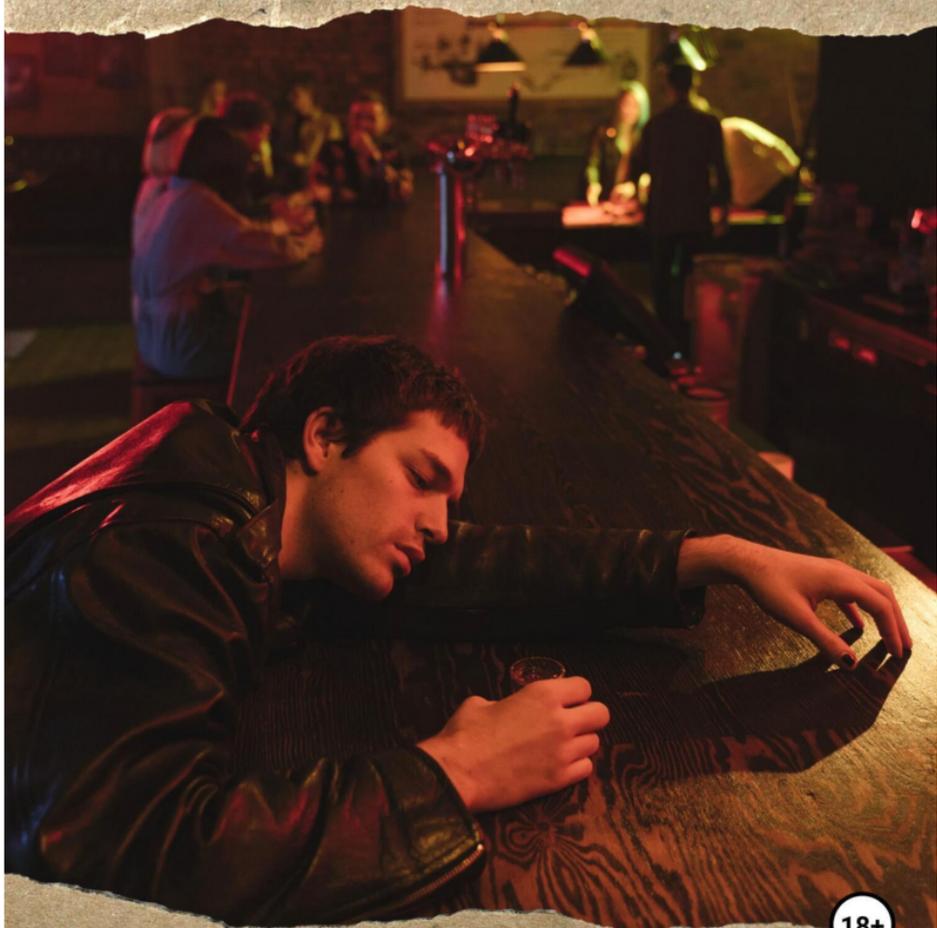

Ольга Пойманова

Так уже было

18+

Ольга Пойманова

Так уже было

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68964564

SelfPub; 2023

Аннотация

Всё можно пережить, когда есть хорошая песня. Так говорят. Врут. Лично меня эта песня добивает, как пуля в висок. Да еще этот дождь... Всё это слишком знакомо, чтобы я был хоть сколько-нибудь счастлив сейчас. Потому – кабацкая тоска, паршивый алкоголь и он. Тот, кто слишком много знает обо мне. Но вот вопрос: откуда? Я-то понятия не имею, кто он...

Ольга Пойманова

Так уже было

– Так уже было, не правда ли?

И я киваю: было.

Мы сидим за обшарпанной стойкой, пьем самое паршивое в мире пиво из мутных стаканов, смотрим друг другу в глаза. Признаю, это очень странная встреча. Я никак ее не ожидал. Но кто же меня спрашивает?

Магнитофон на заднем фоне заливается знакомыми головами. Сюда хорошо приходиться еще и потому, что ты всегда знаешь, кто поет. А не знаешь, спроси у соседа. Он точно в курсе. Хоть что-то понятное и стабильное в моей изменчивой и очень странной жизни.

Сегодня я тут не по любви, а по расчету. Напиться бы к чертовой матери... Но легче мне от этого не станет. В лучшем случае я нырну в каморку за вон той стеночкой и буду долго обнимать унитаза. Это если добегу. Черт, даже такого простого способа свести счеты с собственными бедами я лишен.

Потому – дрянное пиво для разгона, мутный заляпаный стакан, и он. Мой внезапный собутыльник.

Мы не знакомы. Не представляю, как он сюда забрел. Обычно к вечеру остаются только завсегдастые. Те, кто приходит ради атмосферы и людей. И я их, уж поверьте, знаю

всех.

Когда он вошел, я даже не обернулся. Что толку? Кому надо, тот сам подойдет и поздоровается. Спустя череду вечеров и бокалов мы тут узнаем друг друга со спины, по ссутуленным плечам и пасмурным затылкам. Здесь всё без церемоний. И получить по плечу если не дружеской, так хоть приятельской рукой самое обычное дело.

Но в этот раз никто меня не хлопнул, не ткнул кулаком в бок и не назвал придурком. В столь поздний час это означает одно – чужой. А на него нечего и время тратить.

Громыхает стоящий рядом стул.

– Налей чего-нибудь, – доносится хриплый голос.

– Чего тебе налить? – бурчат в ответ. Местный бармен никогда не бывает любезен. За то и ценим. Он честный хам.

– Такого, чтоб не вырвало с первого стакана.

По стойке прокатился, оставляя мокрый след, такой же как у меня бокал. Слишком высокая шапка пены, чтобы поверить, что он полон.

– Твоё здоровье, – хрипит незнакомец явно в мою сторону, и опрокидывает пиво в глотку. Пьет жадно, большими глотками, я все так же не смотрю в его сторону, но все слышу.

– Повтори, – он возвращает бокал назад и закашливается.

Я наконец кошусь на него.

Сложно сказать, сколько ему лет. Если жил плохо, то чуть за сорок. Если хорошо, то к шестидесяти. Впрочем, от хо-

рошей жизни по таким кабакам не ходят. Значит, чуть старше меня. Худощавый, с глубоко запавшими глазами, длинным орлиным носом, узкими губами. Он усталый и хмурый, впрочем, как и я. Как все мы здесь.

– Тяжелый день, – от нечего делать спрашиваю я, когда он выпивает второй бокал не поморщившись.

– Поганый, – кивает он головой.

– А чего так?

– Разбирался со старыми долгами, – коротко отвечает он и вновь отдает бокал бармену. – Ещё!

Я уважительно присвистываю. Чтобы лакать местное пойло как воду требуется навык.

– А говоришь, не торопишься, – доносится из-за стойки.

– Тебе ли жаловаться, – отвечает чужак.

Жаловаться действительно не на что.

Я кое-как приканчиваю свою выпивку и прошу налить чего покрепче.

Магнитофон в углу хрипит и закашливается. Местный владелец из-за каких-то своих внутренних причуд наотрез отказывается притащить в бар компьютер и запускать музыку с него. Мы слушаем кассеты. Затертые, много раз перепи-санные, уже хрипатые. Но мы узнаем их издалека по полу-стертым надписям, по фрагментам сохранившихся эмблем студий звукозаписи.

– Эй, положи, где взял! – доносится из какого-нибудь угла, стоит кому-то из нас взять в руки одну из таких кассет. – Я

не буду такое дерьмо слушать!

– Сам ты дерьмо, вали, раз не нравится! – раздается в ответ. И мы, конечно, слушаем. Везде свои традиции. Нахамить ближнему своему – одна из местных.

Чужак протягивает руку и берет кассету из стопки.

Мгновенно я узнаю ее.

Мало что ненавижу в своей жизни так, как эти песни. Всегда прошу выключить. И мгновенно валю, когда не выключают.

Он вертит ее в руках, разглядывая, раздумывая. И что-то напевая себе под нос.

Шел дождь. В ту осень мы редко видели солнце. Оно словно боялось нас, простых смертных, растрепанных, одиноких и неустроенных. Тех, кому по нелепой случайности нашлось место на этой земле, но не хватило пятака под лучами небесного светила. И оттого мы озлобились, отреклись и отчаялись. А ведь нас много. Так безумно много...

Я понимал солнце. Страшно являть себя подобному обществу. Особенно если ты в корне ни в чем не виновато.

А дождю всё равно. Он лил не переставая.

Я молча смотрел в окно.

Щелкает кнопка на магнитофоне. Характерный звук, с которым кассета встаёт на свое место, ни с чем не спутаешь, если ты хоть раз его слышал. Я спиной почувствую, что это он, чужак, сейчас управляет ситуацией. И моей памятью. А там, кто знает, может, и всей моей жизнью.

Шипит в пазах пленка. Стонет гитара.

– Выключи, – тихо прошу я.

Он только убавляет звук.

Лил дождь, и я уже неделю не выходил из дома. В кармане тосковала последняя сотня. Страшно хотелось курить, или хотя бы кофе, но денег не было ни то, ни на другое. Вода из-под крана воняла, но у нее было хоть что-то, хоть какой-то запах. И я пил, не задумываясь о последствиях.

Хрипит гитара. Сквозь обычную кабацкую возню я различаю первые слова песни. Даже если бы запись была еще хуже, хотя куда хуже-то, я все равно пойму, о чем там. И подхватчу с любого места. Если смогу запеть.

Лил дождь. И ботинки мои стояли скукоженные и грязные. Не помыл. Забыл. Забил. Да что с них взять? Обычные старые порванные ботинки. Те, в которых неделю назад я стоял посреди улицы в глубокой луже, даже не замечая, что даже носки у меня уже насквозь, все хлюпает, а ноги, верно, уже ледяные. Куда мне до луж, носков и ног. Я обдумывал последние новости.

Сосед кивает бармену. Тот молча повторяет пиво. Чужак грохает стулом и снова устраивается за стойкой. Смотрит на меня долгим тяжелым взглядом. Я глаз не отвожу.

Удивительные у него глаза. Словно подернутые дымкой. Я даже задумался сперва, а не бельмо ли. Но нет. Он, очевидно, здоров. Но все равно кажется, что где-то на самом дне его мутных зрачков притаилась боль, такая давняя и глубокая,

что ничем уже не вытравить. Оттого и взгляд такой тяжелый. Уставший.

Как же я устал... А всё этот дождь! Разве могло все это случиться в хорошую погоду? Нет, такие истории, как моя, только для пасмурных дней. Я достал из кармана деньги и крепко задумался. Еще как минимум неделю я не увижу ничего, кроме этой сотни. А мне надо на что-то жить, что-то закидывать в желудок... Много ли я смогу раздобыть? Вспомнил, как в худые времена мама варила суп из куриных шей. Он был жирный и вкусный. Что ж, суп это еда. Хватит ли мне хотя бы на килограмм, и на сколько дней я смогу растянуть кастрюлю?

– Отличное пошло! – причмокивает сосед губами. Ну да, на четвертом стакане это пиво уже может понравиться. Это как та водопроводная вода, что я пил, когда вся моя жизнь полетела к чертям. Сперва болел живот, потом я привык, потом стало вкусно.

А кассета все шелестит и шелестит на заднем фоне.

Вы знаете, дождь прекрасный аккомпаниатор. Когда я вернулся домой, притащив с собой целый пакет этих куриных шей, а заодно одну морковку и самую дешевую лапшу, чтобы бросить их в бульон, тишина задавила меня. Прижала спиной к стене, как я когда-то прижимал свою женщину. Только я-то целовал, а тишина сдавливала мне голову тиска-ми до боли, до пятен в глазах. На неверных ногах я добрался до магнитофона и нажал кнопку.

Рухнул на пол и обхватил колени руками. Все закончилось, совершенно все хорошее, что было у меня, я сам же, по собственной глупости, и растерял. Работы нет, любимая женщина ушла, в голове пчелиный рой. Надо бы закинуть в пасть какую-нибудь таблетку. Добравшись до кухни, заглянул в аптечку – что угодно, кроме обезболивающих. Одна радость, от последствий питья водопроводной воды я защищен с любых сторон...

Зажав виски пальцами, я подошел к окну и прислонился лбом к холодному и влажному стеклу. Дождь лупил в подоконник. Хрипела песня. В голову пришла мысль: прекрасный дуэт...

Кстати, это именно моя кассета сейчас играет в баре. Однажды я наткнулся в шкафу на целую сумку старых кассет. Мне они были не нужны. Куда бы деть такое богатство? Конечно, в бар.

– Налить? – бармен смотрит на меня.

Налить. И выключить эту чертову песню.

Встань и выключи сам. Я пытаюсь было, но сосед преграждает мне путь, схватившись рукой за спинку моего стула. Он приподнимает свой бокал. Я со вздохом беру свою стопку, уже полную. Вздоргнем!

Какой же я безумец... Разве можно было так беспечно распоряжаться своей собственной жизнью? Хотя нет, распоряжаться – это как раз про план, про управление. А что делал я? Ничего. И ничего не нажил.

Только дождь, ворох всякого старья да воспоминания. Магнитофон выдал какой-то странный звук и замолчал. Я сунулся было сменить кассету, но сразу понял, что дело этим не обойдется. Пленку зажевало. Аккуратно, как хирург, стараясь не навредить, я вытащил коричневую полоску из пазов, взял карандаш и вручную замотал пленку. Слушать это стало нельзя, но и выкинуть нет сил. Может, отлежится? Хотел включить телевизор. Экран мигнул и погас. Теперь у меня не было и этого.

Песня булькает, словно больная, и понимаю – то самое место. Если зажует опять, самолично подойду, вытяну, вырву, если понадобится, и выкину эту кассету к чертовой матери!

– Посчитай меня, – бросаю я бармену. И пока он пробирует чек, я оборачиваюсь к окну. Дождь.

Мне называют сумму. Меняюсь в лице. Следовало остановиться раньше. У меня столько денег нет...

– Так уже было, не правда ли? – хрипло спрашивает сосед, и я скидываю на него удивленные глаза.

Никакой дымки во взгляде. Мне страшно от того, что вижу сейчас в его лице. Все мое прошлое, будущее, грехи и благодеяния, горе и радости – все это в нем одном. Да когда же я успел так напиться?

– Было, – отвечает он сам себе на вопрос... – И дождь, и пустой кошелек, и эта самая песня. Не так ли?

Молча сглатываю.

– Мой дорогой друг, – он делает знак бармену, чтобы тот

вновь наполнил стакан. – Видишь ли, жизнь к тебе необыкновенно щедра. Не перебивай! Она дает тебе то, что мало кому достается. И берет такую малую плату...

Одними губами задаю короткий вопрос, голос меня не слушается.

– Второй шанс, – отвечает он.

Мне ничего непонятно.

– Эй, вырубите там кто-нибудь эту кассету, моему другу она не нравится! – кричит он в зал, на миг повернувшись ко мне спиной. И я вижу на его свитере потертый рисунок. Два полинялых крыла. – Так что, воспользуешься шансом?

А я все еще ничего не понимаю.

Музыка замолкает. Кто-то из посетителей берет коробку с кассетами, перебирает их. Но я на него уже не смотрю.

– Давным-давно ты спросил, как стать счастливым. Легко, ответили тебе. Стать счастливым легко, достаточно начать ценить то, что есть. Как быть счастливым, ты не спрашивал. А вот это уже – работа. Каждый день находить то, за что стоит сказать спасибо. Сможешь? Да не хмурь лоб, мало кто может. Это друг мой, наука...

Он снова отпивает из бокала и задумчиво смотрит в какую-то одному ему известную точку. Затем задумчиво говорит:

– Да... Наука. Труд. Или вот ещё. Как на счёт веры в себя? Конечно, в другое верить всегда проще. В чужие идеалы, например. В звезду счастливую. А ты встань с кровати и

скажи себе вслух, что ты молодец. Но так скажи, чтобы себе поверить. Ты ведь ни разу не пробовал. А ты встань и скажи. Давай, давай!

Я встаю и говорю. Сам удивляюсь, до чего ж фальшиво звучит.

– Ладно, дело практики, – усмехается он. – И самое сложное. Ничто никогда не случается зря. Даже когда кажется, что пути нет. А ты головой-то покрути! Один раз ты смог. Забыл?

Я помню. Помню ту последнюю тарелку супа и три дня голода впереди. Помню, как понял, что когда терять больше нечего, остаётся только одно – начинать обретать. И я обрёл. Доел суп и вышел на улицу. Завернул в соседний торговый центр. И внезапно устроился продавцом. Ну а что? Диплом о высшем образовании хорош, но обед из него не сварить. А потом, небогатый, но сытый и спокойный, потихоньку добрался и до административных должностей, и до счастливой жизни. Но, видно, ничего не понял.

– Ученику, который не понял сразу, объясняют дважды, если он попросит, – кивнул сосед.

А я попросил. Тогда и сейчас. Раз за разом повторял один и тот же вопрос: что же делать? И чего ждать? А потом чувствовал, как всё теряю. Ни работы, ни заначки, ни близких. Один чертов дождь да дрянная выпивка, за которую и расплатиться-то нечем...

– Вот так и бывает, дружище, – он пожимает плечами. –

Так и бывает, когда задаешь слишком много вопросов. Ответы могут быть тебе не по зубам. Но с другой стороны, учиться же как-то надо, верно?

Молча киваю в ответ.

– Когда тебе кажется, что все стало слишком плохо, не спрашивай, почему все закончилось. Задай себе другой вопрос, куда интереснее: а что же началось?

Снова киваю.

– Ну пока. И, кстати, хотел тебе сказать... Дождь это просто дождь, – он протягивает купюру бармену, но говорит почему-то мне: – Это за нас обоих. Пожалуйста.